

Юрий Идельс

Прошу любить и жаловать: Ю.А. Идельс

Специальность: ядерная физика

Работал: сначала (по распределению) в Калинин, во 2-м НИИ Министерства обороны СССР, потом вернулся в Одессу, в течение 20 лет работал в Научно-исследовательском технологическом институте «Темп», занимался технологией микроэлектроники. Начал там работу в качестве инженера, а закончил в должности начальника отдела численностью 50 человек. После распада Союза сменил несколько мест работы, руководил двумя малыми предприятиями, работал в Одесском НИИ телевизионной техники. Сейчас на пенсии. Но не совсем бездельничаю: сотрудничаю с Сашей Малютиным по части развития его прикладных программ для экономических расчётов, созданных им, когда он отошёл от ядерной физики. Работаем методом общения по Скайпу.

О семье: женат, имею сына, которому 30 лет. Он по специальности программист. Жена работала патентоведом, сейчас тоже на пенсии.

Приветствия и пожелания: Дорогие друзья! Я очень хотел посетить Академгородок и нашу встречу, но нынешняя ситуация не располагает меня к поездкам в Россию. Впрочем, моё отношение к официальной России никак не влияет на моё отношение к однокурсникам, среди которых – мои лучшие друзья. Желаю всем вам крепкого здоровья и успехов!

КАК Я ПОСТУПАЛ В НГУ

Когда я перешел в одиннадцатый класс, то уже четко осознавал, что из всех наук меня больше всего привлекает физика. А Новосибирский университет возник на моем горизонте, в общем, случайно. Я с детства дружил с Сеней Эйдельманом (который ныне заведует в НГУ кафедрой физики элементарных частиц) – наши родители были близкими друзьями. А у Сени есть старший брат, мой тезка, который поступил в Одесский университет на физмат и проучился там три года, а затем перевелся в НГУ. От него я узнал о Новосибирском научном центре, а потом кое-что об этом почитал и стал мечтать учиться в Академгородке. Решиться поехать туда поступать было не так-то легко: от Одессы до Новосибирска расстояние не маленькое! Но я все-таки решился и сумел убедить родителей отпустить меня. Экзамены были в июле, так что можно было, в случае неудачи, попытаться поступить в какой-нибудь ВУЗ в Одессе.

Академгородок мне понравился сразу же, как только я туда попал (и нравится до сих пор). Дома в окружении сосен и берез смотрелись и красиво, и несколько экзотично для меня, одесита. Так же выглядел и корпус Университета – единственный в то время.

Я как-то не задумывался, где буду жить во время поступления, только знал, что абитуриентам предоставляются места в общежитиях. Однако места в общежитиях рассчитаны на студентов, а ведь абитуриентов-то в несколько раз больше! Например, в тот год конкурс на наш факультет составлял, как я потом узнал, пять человек на место. Эту ситуацию мне пришлось испытать на себе, причем забавно, что места в общежитии кончились именно на мне, и я узнал, что придется жить в палатке. Абитуриентов группировали по 10 человек и выдавали армейские 10-местные палатки, матрацы и постельное белье. Места для установки палаток

указали вокруг Университета, и корпус Универа оказался в окружении палаточного городка. В нашей палатке жили абитуриенты, поступающие на физфак и на математический факультет. Забегая вперед, могу сказать, что из нашей палатки поступили трое – я на физфак, и еще двое ребят на математику – Сеня Кантор и Миша Дехтярь. А из соседней палатки поступил **Валера Жеребин**.

Разумеется, ни я, ни другие ребята, которые оказались со мной в одной десятке, понятия не имели, как ставить палатку, поэтому поставили ее неправильно – фактически, наизнанку, и когда в одну из ночей пошел дождь, палатка начала протекать, и мы все намокли. Но настроение у всех было прекрасным, и дождь не мог его испортить. Мы шутили, что живем в тайге. В каком-то смысле так и было – ведь сосны и березы, окружавшие Универ, были частицей леса, который когда-то рос на месте Академгородка.

По утрам мы ходили умываться в туалет Университета. Несомненно, мы представляли собой в это время странное зрелище – толпа юнцов в спортивных костюмах, футболках или шортах, заспанные и всклокоченные, в коридорах Alma Mater. Миша Дехтярь как-то сказал мне, что мы появляемся в Университете в таком виде, в каком у себя в городе никогда бы не вышли из дому, постеснялись бы. Но другого варианта не было.

Меня удивила погода. Приехав из Одессы в Сибирь, я попал в одесскую жару. Кроме того, в палатке изрядно донимали комары. Жара мешала готовиться к экзаменам. А в бетонном вестибюле Университета царила приятная прохлада. Я с интересом рассматривал доску объявлений. Помню, что там висело небольшое объявление, на котором была изображена группа очень волосатых граждан, а под ней можно было прочесть собственно объявление:

«Мужчины, спасайтесь от облысения,
записывайтесь в кружок хорового пения!»

Прочитав это объявление, я с удовлетворением отметил, что с юмором в НГУ должно быть все в порядке.

После первого же экзамена наш палаточный городок начал таять, а после второго – уже резко таять. К моему огорчению, уехали домой многие ребята, с которыми я успел подружиться. Я сдавал первой письменную математику, получил четверку. Где я там ошибся – не знаю до сих пор. А второй была физика. Экзамен у меня принимал Хрипович, с которым пришлось столкнуться вновь потом, когда он вел семинар на 3 курсе. В общем, все кончилось хорошо, и я набрал 19 баллов из 20 и благополучно поступил.

Затем я провел приятный август в Одессе, когда все мои одноклассники поступали в ВУЗы, а я уже стал студентом!

Забавное

Когда пять лет назад я приезжал на встречу выпускников, то, выступая, говорил о том, насколько мы обязаны нашим преподавателям. И это – сущая правда. Но, в то же время, в памяти сохранился ряд забавных эпизодов, связанных с преподавателями. Вот некоторые из них.

Поздравление Ашота Сергеевича

Ашот Сергеевич Машурян вел у нас на первом курсе семинар по мат. анализу. В то время 8 марта еще не было выходным днем. Это был обычный рабочий (и, соответственно, учебный) день. В этот день, т.е. 8 марта 1965 года, у нас как раз был семинар по мат. анализу. Ашот Сергеевич вошел в аудиторию и сказал с характерным акцентом:

– Пазволте поздравить вас...

Наши немногочисленные девочки заулыбались и сделали приятные лица. Ашот Сергеевич продолжал:

– ... с окончанием тэмы «Неопределенный интеграл».

Таково было поздравление Ашота Сергеевича в день 8 марта.

Помню и еще один довольно забавный эпизод с участием Ашота Сергеевича – и тоже в разговорном жанре. Во втором семестре Ашот Сергеевич дал нам писать контрольную. Задачи были трудные, и справились с ними немногие. На перемене ребята окружили Ашота Сергеевича, обсуждали результаты, и кто-то спросил:

– Так что, Ашот Сергеевич, контрольную будем переписывать?

Ашот Сергеевич ответил:

– Нет, не ПЕРЕПИСЫВАТЬ, а ЗАНОВО ПИСАТЬ. Если ПЕРЕПИШЕТЕ, я опять двойку поставлю!

Между прочим, у меня с Ашотом Сергеевичем связано еще одно интересное воспоминание, но на этот раз не из области юмора, а вполне серьезное. Семинары по мат. анализу проходили параллельно в нескольких группах. И вот мы заметили, что в других группах уже перешли к производным, а мы все еще занимаемся теорией пределов. Кто-то из ребят спросил Ашота Сергеевича, почему же так происходит? Ашот Сергеевич сказал:

– Я слышал, что в цирке научили лошадь брать производные. А теория пределов – это основа.

Тогда я не смог в полной мере оценить эти слова, но впоследствии, после изучения всего мат. анализа, дифф.уров и т.д. я не раз о них вспоминал. Действительно, не разобравшись, как следует, с пределами, дальше трудно что-либо понимать!

Образная речь Ю.Б. Румера

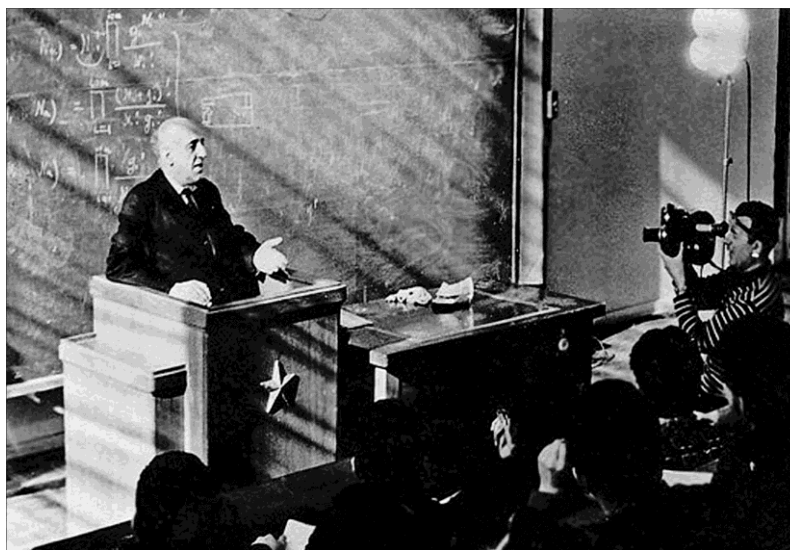
Лекции Румера всем доставляли удовольствие. Речь у него была очень хорошая, и мысли он излагал четко и ясно. А иногда у него проскальзывали забавные пассажи, которые только придавали его изложению дополнительный блеск.

Так, рассказывая о сверхтекучести и о гелии-3, Юрий Борисович сказал, что вот есть такой прибор – вискозиметр, в котором вязкость жидкости определяется по времени протекания по капилляру. А дальше Румер выразился так:

– Но если в вискозиметр налить гелий-3, то никакой самый ловкий экспериментатор не успеет нажать на часы, чтобы зафиксировать время протекания.

Рассказывая о фазовых переходах, Румер вывел формулу, в которой в знаменателе стоял скачок энтропии. Юрий Борисович сказал так:

– Никто не понимает, что такое скачок энтропии. Тогда поступают так: умножают числитель и знаменатель на температуру. В знаменателе получается величина, имеющая размерность теплоты. Тогда говорят, что это скрытая теплота фазового перехода. По-прежнему никто ничего не понимает, но все успокаиваются.

Лекция Юрия Борисовича Румера

Юмор Джурды Константиновича

Джурды Константинович Гвазава, который вел у нас семинары по ТФКП, несомненно, обладал изрядным чувством юмора. Мне запомнился маленький эпизод. Перед началом одного из занятий Джурды Константинович решил сделать переключку. Я, как староста группы, дал ему журнал, и он начал проверять, кто присутствует, а кто нет. Дойдя до Кашникова, Джурды Константинович не обнаружил его в аудитории. Я ему сказал:

– Кашников есть, Джурды Константинович. Он только на минуту вышел. Вот стоит его портфель.

Джурды Константинович отреагировал мгновенно:

– Так и запишем. Присутствуют 20 человек и портфель Кашникова.

Откровения подполковника Гончарова

Немало юмористических воспоминаний оставила по себе военная кафедра. Одной из ярких личностей военки был подполковник Гончаров, который преподавал гражданскую оборону. Прежде всего, вспоминается его манера начинать занятия. Если он входил в аудиторию, а внимание слушателей было чем-то отвлечено, он говорил так:

– С вашего разрешения, разрешите начать лекцию.

Товарищу Гончарову принадлежит следующее высказывание, врезавшееся мне в память:

– Наши ракеты могут поразить врага на Аляске и на других *контингентах*.

Рассказывая об отравляющих веществах, подполковник Гончаров сообщил, что V-газы могут даже вызвать раздвоение личности. Разумеется, его спросили, как же это удалось установить? Ответ был таким:

– Проводили опыты на собаках.

Оговорки полковника Корнева

Однажды полковнику Корневу поручили вести в нашей группе занятия, когда заболел наш руководитель подполковник Мушников. Товарищ Корнев был с нами незнаком, а фамилии были вписаны в журнал от руки. Он решил вызвать нескольких студентов, чтобы они ответили на вопросы. Судя по всему, почерк у Мушникова был неважный. Сначала полковник Корнев, пристально всматриваясь в журнал, сказал:

– Студент Орышцы!

Но на этом тяга полковника к букве «Ц» не закончилась. Следующей жертвой пал я. Полковник снова долго изучал список, а потом сказал:

– Студент Цельс!

Так я получил кличку, которая сохранилась до сего дня – по-прежнему некоторые друзья так меня и называют.

Советская военная доктрина в изложении полковника Гришутина

Но венцом всего явилось изложение советской военной доктрины начальником военной кафедры полковником Гришутиним, который вел у нас предмет «Партполитработа». Лекция, посвященная советской военной доктрине, длилась полтора часа, но суть ее в интерпретации полковника Гришутина сводилась к трем основным положениям:

Положение первое. В современной войне решающим является ее начальный этап. Кратко это можно выразить так: «Кто начинает войну, тот ее и выигрывает».

Положение второе. Природа социалистического строя такова, что мы первыми напасть никак не можем. Не в природе социалистического государства быть агрессором.

Положение третье. Однако неизбежность исторического развития такова, что если новая война будет развязана, мы ее обязательно выиграем!

*

Заверяю, что я ничего не придумал. Все это было на самом деле!

МОЯ СПОРТИВНАЯ КАРЬЕРА В НГУ

Как вы все, конечно, помните, на первом курсе кроме мат. анализа, физики и химии были у нас пары и по физкультуре. Я сначала не догадывался, чем они мне грозят. Пока была осень, были занятия в зале. Но затем выпал снег, и оказалось, что на физкультуре надо становиться на лыжи.

На лыжах я не катался ни разу в жизни, и видел их только на картинках и в кино. Поэтому нетрудно представить, как я выглядел на этих занятиях. Но это были еще цветочки. В конце семестра выяснилось, что зачет по физкультуре можно получить, пройдя на лыжах 10 км на время.

Я добросовестно явился на зачет, но когда я пришел к финишу, то уже не застал там никого из преподавателей, которые фиксировали время. На следующий день я взял зачетку и пошел на кафедру физвоспитания. Там я популярно объяснил им ощущения одессита, которого заставили пройти 10 км на лыжах. Они посмеялись, но зачет поставили. Но я решил, что с меня хватит и в тот же день записался в секцию классической борьбы.

Секцией руководил очень квалифицированный тренер – Александр Николаевич Косых, мастер спорта, бывший чемпион Советской Армии. Я стал с энтузиазмом ходить на тренировки. Из наших ребят туда ходили Коля Манаков, который делал там большие успехи, Юра Вершинин и Володя Паутов. Одно время на эти занятия ходил и Толя Маслов.

Тренировки проходили в небольшом подвальном помещении, где пол был сплошь устлан матами. Помню свои ощущения в первое время. Болели все мышцы, а задыхаться я начинал уже на второй минуте борьбы. То же самое испытывали и другие начинающие – мы обменивались впечатлениями. Однако прошло некоторое время, мы втянулись, и тренировки доставляли все большее удовольствие. После нескольких месяцев занятий Александр Николаевич начал устраивать для нас, новичков, квалификационные соревнования, и я вскоре выполнил норму третьего разряда. Тренер был мной доволен и говорил, что у меня неплохие перспективы. И вдруг все перевернулось с ног на голову.

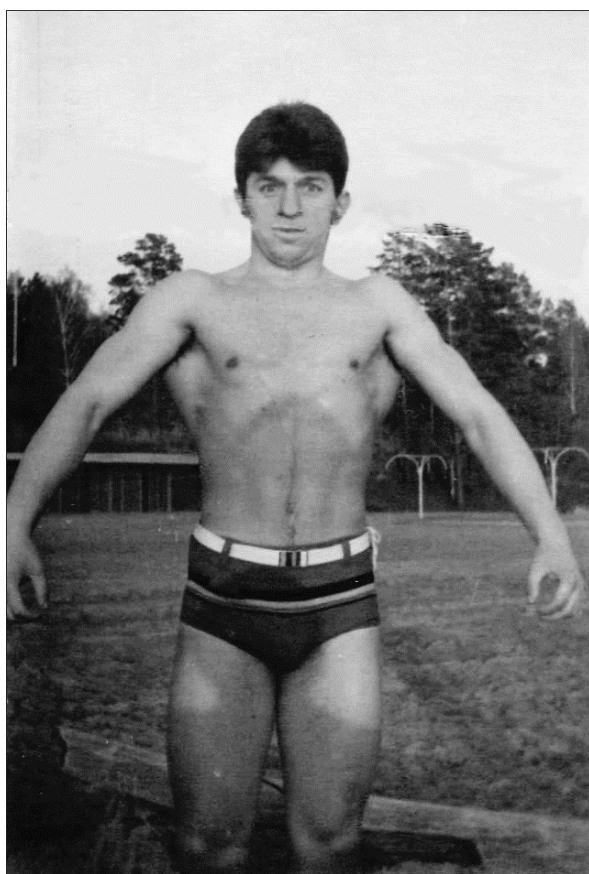
Так сложилось, что среди моего близкого круга общения оказалось несколько баскетболистов: Володя Марьев, с которым я жил в одной комнате, Сережа Дворецкий, Шурик Шайтанов, Сережа Шпак. И один раз я увязался с ними, когда они решили пойти поиграть на одной из открытых площадок (было уже тепло, конец весны, второй курс). Играл в баскетбол я точно так же, как катался на лыжах. Но игра меня поразила. И я сильно увлекся баскетболом.

Что и говорить, мои физические данные не слишком располагали к баскетболу. Как раз борьба мне больше подходила, но сердцу не прикажешь. Я стал сначала ходить со своими друзьями-баскетболистами, когда они собирались поиграть просто для развлечения, в свободное время. Потом стал приходить к ним на тренировки. Потихоньку кое-чему учился. Вначале тренер баскетболистов Владимир Николаевич Жеребцов меня, конечно, игнорировал. Но я проявлял большую настойчивость, и через некоторое время он разрешил мне приходить на тренировки второй сборной команды университета в «Юность». Для меня это значило немало – я с этого момента уже мог считать себя баскетболистом, пусть и не очень квалифицированным, особенно по сравнению с моими друзьями, которые занимались баскетболом с детства.

Единственное, что меня смущало – мне было неловко перед Александром Николаевичем Косых, который возлагал на меня определенные надежды и считал, что я могу добиться успехов, если буду продолжать заниматься борьбой. Мне пришлось деликатно объяснить ему, что мне теперь больше нравится баскетбол. По-моему, мне удалось это сделать так, что Александр Николаевич не обиделся. Когда я уже через несколько лет после окончания Универа приехал в Академгородок в командировку, то пришел в только что построенный новый спортивный корпус, чтобы посмотреть тренировку баскетболистов, среди которых оставались мои старые знакомые – Коля Лаврик, Толя Томиленко. Возле входа в зал я встретил Александра Николаевича. Оказалось, что он меня помнит, и даже пригласил в зал борьбы показать, как

там красиво и удобно. Действительно, просторный зал совсем был не похож на тот подвал, в котором мы когда-то тренировались.

К пятому курсу я уже был полноправным членом второй сборной команды университета – и, более того, стал ее капитаном. В первенстве Новосибирска среди ВУЗов по баскетболу было две лиги. Первая сборная играла в первой лиге, а наша вторая – во второй. Всю осень и зиму мы проводили встречи с разными командами из Новосибирска. Некоторые проходили в Академгородке, а на некоторые приходилось ездить в Новосибирск. А зима в том году была необычной! Сорокаградусные морозы ударили в середине ноября и держались вплоть до середины марта! Для меня это было нелегко. По улице я мог перемещаться только перебежками. Но все-таки, не пропускал ни тренировок, ни игр. Наша вторая сборная заняла во второй лиге второе место. А я при окончании университета получил из рук Владимира Николаевича Жеребцова квалификационную книжку спортсмена с честно заработанным вторым разрядом.

Микро-Геракл Идельс